

Сергей КИБАЛЬНИК

АНТИ-НЕВРОЗОВ

О том, как Н. Н. Страхов
оклеветал Ф. М. Достоевского
и почему эта клевета будет жить вечно¹

В последнее время у нас стало модным сетовать на порчу современного русского языка и сбрасывать с корабля современности русскую классику. Не буду перечислять всех, кто этим отметился, — этак бумаги больше ни на что не хватит.

Как говорится, если мы их ценим, то не за это.

Но все же — почему они это делают? Ответить на этот вопрос не так трудно. В нашей медийной среде — неважно, демократической или тоталитарной, культурной или дикой — господствует одно и то же представление:

Кто угодно может говорить о чем угодно...

Даже на радиостанции «Эхо Москвы» всем, кто бы ни пришел, предлагают прокомментировать все что угодно, независимо от специальности. И редко кто отказывается...

А кто же у нас не понимает в русском языке и в русской литературе? Таких уродов у нас просто нет.

И вот мы то и дело слышим предложения: то оставить основную обойму классиков от Пушкина до Толстого и убрать всех остальных, то, наоборот, вычеркнуть такого «мракобеса», как Достоевский, от которого тошнит даже автора идеи залоговых аукционов (и слава богу — ведь так и должно быть!), а то еще что-нибудь похлеще.

Когда высокому чиновнику или «наследившему» в медиапространстве журналисту нужно о чем-нибудь возвестить в эфире или на презентации, предшествующей фуршету, в ход обычно идет русская классика. Это у нас теперь вроде аперитива перед обедом.

А специалисты в таких случаях, как правило, воздерживаются от комментариев. Дескать, люди у нас не дураки — сами разберутся.

Сергей Акимович Кибальник родился в 1957 году в Волгограде. Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета (ныне СПбГУ). После окончания и по сей день работает в Институте русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук. Член Международного общества Ф. М. Достоевского. Автор восьми книг по истории русской литературы, в частности «Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе» (2011), «Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского» (2013), «Чехов и русская классика: проблемы интертекста» (2015) — а также двух литературно-художественных книг: «Поверх Фрикантрии, или Анджело и Изабела. Мужской роман-травелог» (2008), «МВитьки. Стихи и „прозы“, соображенные ночью на двоих и на троих on — и off-line» (2017, в соавторстве с Виктором Мальцевым). Публиковался в журналах «Нева», «Звезда», «Октябрь», «Волга», «Литература». Живет в Санкт-Петербурге.

¹ Статья подготовлена за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований «Достоевский в медийном пространстве современной русской культуры», № 18-012-90003.

Нередко так и происходит. По крайней мере, если судить вот по таким, например, откликам на подобные попытки:

— Потому что они бесы. Достоевский их вычислил².

Но можно ли все время уповать только на самих людей? Пока мы проводим исследования и преподаем в университетах, им в который уже раз через всевозможные и невозможные СМИ объявляют:

Национальная словесность (как и все на свете) имеет свой срок годности, который, по всей видимости, подошел к концу. Ее смыслы остались в далеком прошлом, а лишенная содержания форма выглядит нестерпимо пафосно и архаично³.

Заявлено это было еще в 2013 году. С тех пор не раз повторено, и каждый раз в сети эти откровения получают десятки тысяч просмотров. А на днях я сам слышал это снова — на сей раз в эфире весьма приличной радиостанции.

Далее для дискредитации с самым невинным видом используется все что угодно. Хотя бы давным-давно опровергнутые обвинения Достоевского в педофилии:

Бесполезно вспоминать маленьких крестьянских девочек, которых генератору православной духовности возили в баню для педофильских забав (об этом откровено пишет в письме к Л. Толстому личный биограф <?! — С. К.> Достоевского Страхов)⁴.

Пророка Федора можно изобразить и нагим, в парилке, с голенькой крестьянской девочкой 10 лет, доставленной туда для его «банных забав» (подробности можно выяснить в известном письме Н. Страхова, где тот рассказывает о педофилии Достоевского).

Конечно, существует мнение, что «все было не так» и «Страхов перепутал».

Возможно. Нельзя исключать, что девочка сама заказала себе в баньку автора «Карамазовых» (впрочем, от перемены мест слагаемых мизансцена не меняется)⁵.

От всего этого дилетантизма, морального релятивизма и словесного недержания нетрудно заработать невроз, для лечения которого необходимо действующее противоядие.

Специалисты сделали уже достаточно много по части публикации документов, так что в блогах то и дело звучат трезвые голоса⁶, а то и появляются развернутые ответы новым «мелким бесам» и невеликим инквизиторам⁷. Однако делаются они, как правило, неспециалистами, которые в лучшем случае ничего не могут прибавить к уже опубликованным материалам⁸, а в худшем — сдабривают их немалым числом неточностей и нелепостей⁹.

Так уж получилось, что мне как раз удалось распутать кое-какие узелки в старой истории о клевете Н. Н. Страхова на Ф. М. Достоевского, и я решил написать об этом так, чтобы прочесть смог самый широкий круг читателей.

² <http://uborshizzza.livejournal.com/2405673.html>

³ Невзоров А. Мертвые мальчики как старинная духовная «скрепа». Звериный оскал патриотизма // mk.ru/politics/2013/02/25/817538-mertvyie-malchiki-kak-starinnaya-duhovnaya-skrepa.html

⁴ Там же.

⁵ Невзоров А. Антрекот Михайлович Достоевский // <http://echo.msk.ru/doc/1927004-echo.html?=&top>

⁶ См., например: <https://snob.ru/profile/20736/blog/76791>

⁷ Оборин Л. Как вы думаете, был ли Достоевский педофилом? (письмо Н.Страхова Л.Толстому) // <https://thequestion.ru/questions/78362/kak-vy-dumaete-byli-dostoevskii-pedofilom-pismo-n-strakhova-l-tolstomu>

⁸ Невзоров о Ф. М. Достоевском, черносотенце и педофиле // <http://uborshizzza.livejournal.com/2405673.html>

⁹ Авдеева Л. Угрюмое имя — Достоевский или загадка одного письма (к 190-летию со дня рождения и 130-летию со дня смерти писателя) // http://medtsu.tula.ru/PZ/2012_1/11.pdf

А что касается того, что русская классика якобы устарела, спорить с этим считаю излишним. Сходите хотя бы на «Преступление и наказание» в Александринку, и вы просидите там — в переполненном зале — почти шесть часов, ни секунды не испытав подколесинского позыва к бегству.

Сон Льва Толстого о «романе» Н. Н. Страхова с Грушенькой

Даже сны великих писателей, в том числе и виденные ими в самые драматические моменты их жизни, вряд ли заслуживают того, чтобы их разгадывали филологи. Наверное, за исключением тех, которые связаны с их творчеством.

26 октября 1910 года, то есть за сутки до своего «ухода» из Ясной Поляны, Толстой записал в дневнике:

Видел сон. Грушенька, роман, будто бы, Ник. Ник. Страхова. Чудный сюжет¹⁰.

Это сновидение в тот же день в письме к В. Г. Черткову Толстой назвал «прелестным нынешним, художественным». Он также писал ему о своем намерении записать его и несколько других подобных снов «хотя бы в виде конспектов» (LXXXVIII—LXXXIX, 230).

Уже в Оптиной пустыни в записной книжке Толстой повторил эту запись в списке тем художественных замыслов:

Роман Стр<ахова> Грушеньк<а> экономка (LYIII, 558).

Понятно, почему в этом сне Толстому явилась героиня романа Достоевского «Братья Карамазовы»: он его в это время перечитывает (см.: LYIII, 116, 540, 548, 553). Нет ничего удивительного и в том, что Толстому приснился его близкий покойный друг Н. Н. Страхов.

Однако то, что Грушенька и Страхов оказались в этом сне вместе, причем связанные какими-то загадочными (по-видимому, любовными) отношениями, несколько озадачивает. И требует размышления. Тем более что это зерно нового художественного замысла.

Вот как пытался реконструировать его А. П. Сергееenko:

Возможно, что содержание рассказа состояло в том, что Грушенька повлияла бы на Страхова своей любовью к жизни, веселостью, эмоциональностью, широтой натуры, а Страхов облагораживающе воздействовал бы на нее своими умственными запросами¹¹.

«Вряд ли сюжет произведения представлялся писателю столь идиллическим и «головным». — отозвался об этой «реконструкции» В. А. Туниманов¹².

Иные, гораздо менее «идиллические» ассоциации вызвал сон Толстого у И. Л. Волгина:

¹⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. Т. 58. С. 122. Далее ссылки на Толстого приводятся по этому изданию в тексте с указанием тома римскими и страницы арабскими цифрами.

¹¹ Сергееenko А. П. Последние сюжеты // Литературное наследство. Лев Толстой. 1961. Т. 69. Кн. 2. С. 288.

¹² Туниманов В. А. Достоевский, Страхов, Толстой (Лабиринт сцеплений) // Туниманов В. А. Лабиринт сцеплений. Избранные статьи. СПб., 2013. С. 248. Это была последняя опубликованная при жизни: Русская литература. 2006. № 3. С. 38—97 — статья исследователя.

Толстовский сон удивительным образом перекликается с неизвестной сновидцу, но памятной нам записью Достоевского — о «тайном сладострастии» Страхова («не смотря на свой строго нравственный вид, втайне сладострастен»). Недаром в этом сне Страхов предстает своего рода Федором Павловичем Карамазовым, но — «подпольным», «зажатым» и оттого еще более трагичным. И, может быть, сюжет представляется Толстому «чудным» именно благодаря точности психологического попадания¹³.

Это уже, возможно, «теплее», однако, как отмечает сам исследователь, записи Достоевского о Страхове Толстой не знал.

Стоит в таком случае поставить вопрос как раз о том, что именно знал в 1910 году Толстой о Страхове, Достоевском и «Братьях Карамазовых» такого, что могло породить в его сознании столь неожиданное смешение двух планов. Тайна этого сна Толстого может приоткрыться, если мы сможем объяснить, как в сон о героине литературного произведения попало реальное лицо — Н. Н. Страхов.

«Что сей сон значит?» Статья Страхова и роман Достоевского «Братья Карамазовы»

Статье Страхова «Наблюдения» (Посвящ<ается> Ф. М. Д<остоевско>му»), в которой идет речь о разногласиях между ним и Достоевским, проявившихся во время их совместного пребывания во Флоренции в 1862 году, предпослан эпитаф:

«Можешь ли ты рассказать мне сон, который я видел и сказать, что он значит?»¹⁴ Эпитаф этот получает развитие в самой статье, причем в разговоре на важнейшую тему, которая отразилась в «Записках из подполья»¹⁵. Это спор о том, сколько будет дважды два, и связан он с чрезмерным рационализмом Страхова.

В конце статьи Страхов снова возвращается к образу, использованному в эпитафе:

...они могут утверждать даже и то, что дважды два — не четыре <...> они, как некогда восточные цари, **могут грезить все, что им угодно**, а я, как их придворные волхвы, под страхом казни, обязан понимать **все, что им ни пригрезится**, да, пожалуй, еще находить в их снах смысл высокий и пророческий. Остается разве только одно, — чтобы вы возложили на меня обязанность не только понимать, но и **отгадывать их сны**, как этого требовал от своих волхвов тот древний царь, который однажды **забыл свой сон** и помнил только, что ему было страшно¹⁶.

А теперь обратим внимание на то, что при первом появлении Михаила Ракитина в «Братьях Карамазовых» его разговор с Алешей после коленопреклонения старца Зосимы перед Дмитрием также начинается с этой реплики:

- Скажи ты мне, Алексей, одно: **что сей сон значит?** Я вот что хотел спросить.
- Какой сон?
- А вот земной-то поклон твоему братцу Дмитрию Федоровичу. Да еще как лбом-то стукнулся! <...>

¹³ Волгин И. Л. Толстой и Достоевский: разногласия в стиле (К истории одной невесты) // Текст и традиция. Альманах № 1. СПб., 2013. С. 158.

¹⁴ Н. Н. Страхов о Достоевском. Публикация и комментарии Л. Р. Ланского // Литературное наследство. Т. 86. Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. Т. 86. М.: Наука, 1973. С. 560. Здесь и далее полужирным шрифтом выделено мной. — С. К.

¹⁵ Захаров В. Н. Сколько будет дважды два, или Неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 109–114.

¹⁶ Н. Н. Страхов о Достоевском. С. 561.

— Не знаю, Миша, что значит.

— Так я и знал, что он тебе это не объяснит. Мудреного тут, конечно, нет ничего, одни бы, кажись, всегдашние благоглупости. Но фокус был проделан нарочно. Вот теперь и заговорят все святоши в городе и по губернии разнесут: **«Что, дескать, сей сон означает?»** По-моему, старик действительно прозорлив: уголовщину пронюхал. Смердит у вас.

— Какую уголовщину?

Ракитину видимо хотелось что-то высказать.

В вашей семейке она будет, эта уголовщина (14, 72–73).

Когда Алеша оспорит утверждение Ракитина о том, что Иван хочет жениться на Катерине Ивановне из-за денег, тот снова повторит свою формулу относительно «сна»:

— **Это еще что за сон?** Ах вы... дворяне! (14, 76).

Мотив значения «сна» в тексте романа Достоевского содержит, по-видимому, скрытые отсылки к наброску посвященной ему статьи Страхова «Наблюдения». Правда, последнее верно только в том случае, если этот набросок был известен Достоевскому, но поскольку он обращен именно к нему и речь в нем идет о старом споре с ним, то это более чем вероятно.

Скрытые отсылки к этому наброску в «Братьях Карамазовых» должны были, по-видимому, дать понять посвященному читателю — к каковым, безусловно, относился сам Страхов, — что прототипом Ракитина является именно он. Так что если остальные читатели могли лишь догадываться о том, что в Ракитине воплощены некоторые черты Страхова, то у самого Страхова, которому и была адресована эта своего рода криптограмма Достоевского, не оставалось в этом ни малейших сомнений.

Чтобы решить, подтверждается ли все это характеристиками и поведением Ракитина в романе, сопоставим их с тем, как представлял себе Достоевский личность Страхова в период создания этого образа.

«Отречение» Страхова от Достоевского

Большинство исследователей полагает, что отношения между Достоевским и Страховым были испорчены в середине 1870-х годов и до смерти Достоевского так окончательно и не восстановились.

Считалось, что ссора была вызвана тем, что свой новый роман «Подросток» Достоевский отдал в «Отечественные записки» Некрасова. Однако общение вслед за этим продолжилось, причем после появления конца первой части романа в февральском номере журнала Страхов наговорил Достоевскому в письме от 21 марта 1875 года по поводу его нового романа массу комплиментов.

Это письмо, по мнению А. С. Долинина, свидетельствует о том, что «недоразумения, возникшие между ними в связи с „Подростком“ <...> стали менее острыми»¹⁷. Так что, по всей видимости, были какие-то другие обстоятельства, заставившие позднее Страхова сделать в письме к Толстому от 11 марта 1879 года следующее признание:

Я Тургенева и Достоевского, простите меня, не считаю людьми...¹⁸

¹⁷ Письма Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому. Публикация А. С. Долинина // Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 280.

¹⁸ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки: В 2 т. / Ред. А. Донсков; сост. Л. Д. Громова, Т. Г. Никифорова. М.: Гос. музей. Л. Н. Толстого; Ottawa: Группа славянских исследований при Оттавском университете, 2003. Т. 1. С. 1–487. Т. 2. С. 502.

Мы вправе предположить, что Достоевский в это время платил Страхову той же или почти той же монетой. Во всяком случае, как писал сам Страхов в своих «Воспоминаниях...»,

непобедимая мнительность иногда заставляла его (Достоевского. — С. К.) смотреть и на меня, как на человека, имеющего к нему что-то враждебное, недостаточное к нему расположенного, и это очень огорчало меня¹⁹.

Сообщая Толстому о смерти Достоевского, Страхов упомянул о «глупых размолвках» и о том, что они «не ладили все последнее время»²⁰.

В бумагах Страхова сохранилась запись «Для себя»:

Во все время, когда я писал воспоминания о Достоевском, я чувствовал приступы того отвращения, которое он часто возбуждал во мне и при жизни и по смерти; я должен был прогонять от себя это **отвращение**, побеждать его более добрыми чувствами, памятью его достоинств и той цели, для которой пишу²¹.

Никак не проявив этого своего «отвращения» в самих «Воспоминаниях...» (еще бы! А. Г. Достоевская, издававшая сборник, в который они вошли, просто не стала бы их печатать!), Страхов все же счел нужным как-то его выразить. И ему показалось, что наиболее подходящий для этого способ — написать об этом своему многолетнему корреспонденту Л. Н. Толстому. Послав ему только что вышедшие из печати свои «Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском», он решает «исповедаться» Толстому, признавшись в том, что ранее формулировал «для себя»:

Все время писания я был в борьбе, я боролся с подымавшимся во мне **отвращением**, старался подавить в себе это дурное чувство²².

И далее в этом письме к Толстому от 28 ноября 1883 года следует текст, который В. А. Туниманов справедливо называет «актом не освобождения, а, пожалуй, отречения»²³ Страхова от Достоевского:

Он был зол, завистлив, **развратен**, и он всю жизнь провел в таких волнениях, которые делали его жалким и делали бы смешным, если бы он не был при этом так зол и так умен. <...> Его **тянуло к пакостям**, и он хвалился ими. Висковатов стал мне рассказывать, как он похвалялся, что соблудил в бане с маленькой девочкой, которую привела ему гувернантка. Заметьте, что, **при животном сладострастии**, у него не было никакого вкуса, никакого чувства женской красоты и прелести. Это видно в его романах. Лица, наиболее на него похожие, — это герой *Записок из подполья*, Свидригайлов в *Прест.<уплении>* и *Нак.<азании>* и Ставрогин в *Бесах*; одну сцену из Ставрогина (растление и пр.) Катков не хотел печатать, но Д[остоевский] здесь ее читал многим²⁴.

¹⁹ Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. С. 317—318.

²⁰ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 2. С. 591.

²¹ Н. Н. Страхов о Достоевском. С. 564.

²² Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 2. С. 652.

²³ Туниманов В. А. Достоевский, Страхов, Толстой (Лабиринт сцеплений) // Туниманов В. А. Лабиринт сцеплений. Избранные статьи. СПб.: «Пушкинский Дом», 2013. С. 269.

²⁴ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 2. С. 652.

Столь резкий и, как было неоднократно показано²⁵, несправедливый отзыв Страхова о Достоевском обыкновенно предположительно объясняют тем, что после его смерти критик познакомился с не менее резким отзывом о нем самого писателя, содержавшимся в рабочей тетради Достоевского 1876–1877 годов, которую, возможно, вместе с другими тетрадями давала ему вдова писателя для работы над его «Воспоминаниями...»²⁶. Однако никаких доказательств того, что у Страхова эта тетрадь действительно была и что он эту запись (между прочим, чрезвычайно неразборчивую) читал, нет²⁷.

Что касается самой записи Достоевского (см.: 24, 239–240), то она также вызывает удивление своей резкостью. Туниманов связывал ее с критической аллюзией на Страхова в черновых записях к выпуску «Дневника писателя» за июль–август 1876 года, который в своей статье «Женский вопрос» неосторожно высказал свое предпочтение английской женщине перед русской (23, 88–89). Исследователь тем не менее и сам не видел в ней достаточного основания для подобной резкости²⁸. Почему гнев Достоевского выразился в столь резкой форме, так и остается неясным.

Текстуальные переключки

Особенно резкие слова Достоевского о Страхове в этом черновом наброске лишь сравнительно недавно были прочитаны правильно.

«...Несмотря на свой строго-нравственный вид, **втайне сладострастен и за какую-нибудь жирную грубо-сладострастную пакость готов предать** всех и все, и гражданск<ий> долг, которого не ощущает, и **родину**, до которой ему все равно, и идеал, которого у него не бывает...»²⁹ — писал Достоевский о Страхове, скорее всего, в 1876 году³⁰.

²⁵ Андрианова И. С. «Клеветы Страхова», или Протест вдовы и племянника Достоевского // unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449057614.pdf; Свинцов Н. Достоевский и отношения междуполами // Новый мир. 1999. № 5. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/5/svincov1.html (дата обращения: 26.03.2018); Оборин Л. Как вы думаете, был ли Достоевский педофилом? (письмо Н. Страхова Л. Толстому) // <https://thequestion.ru/questions/78362/kak-vy-dumaete-by-l-dostoevskii-pedofilom-pismo-n-strakhova-l-tolstomu>.

²⁶ Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского. М.: Наука, 1981. С. 44–45.

²⁷ «Косвенное доказательство» знакомства с ней Страхова можно видеть в его письме к А. Г. Достоевской от 21 октября 1883 г.: «...будете печатать из Записной книжки, то необходимо мне взглянуть, — только взглянуть. Я после Вам объясню» (см.: Захаров В. Н. Poleмические заметки Достоевского о Н. Н. Страхове. С. 68).

²⁸ Туниманов В. А. Достоевский, Страхов, Толстой. С. 271. В. Н. Захаров предположил, что причиной для резкого отзыва Достоевского послужили обнародованные еще ранее космополитические высказывания Страхова в его корреспонденциях 1875 года «Из Рима»: «Презрительно, свысока сказано о народе: “Мы не знаем, для чего они так берегут себя; для нас непонятно то таинственное будущее, из-за которого они так мало дорожат своими головами; но ведь это уж наша печаль, а не их”. Именно эти туристические заметки дали Достоевскому повод заподозрить Страхова в готовности предать родину» (Захаров В. Н. Poleмические заметки Достоевского о Н. Н. Страхове. С. 67). Впрочем, выраженные в этих заметках космополитические наклонности Страхова всего лишь предваряют будущее предпочтение им английской женщины русской в статье «Женский вопрос». Между тем, например, Туниманов отвергал эти наклонности в качестве возможной основной причины резкого отзыва Достоевского о Страхове.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. № 16. С. 266. Текст этой записи приводится по Полному собранию сочинений (24, 240) с исправлением в нем неточностей (см.: 17, 50).

³⁰ Запись расположена среди заметок к «Дневнику писателя» за 1876 год (между материалами, относящимися к июлю–августу и к сентябрю) (см.: 24, 234–239).

По-видимому, именно поэтому до сего времени никто по-настоящему не обратил внимания на серьезную переключку черновой записи Достоевского о Страхове с отзывом о Достоевском самого Страхова в письме к Толстому:

При **животном сладострастии**», «его тянуло к **пакостям** и он хвалился ими³¹.

Данная переключка укрепляет предположение о том, что с его стороны это был «своеобразный „ответ“ Достоевскому». Однако был ли это ответ Страхова именно на черновую запись Достоевского о нем или на что-то другое, мы увидим далее.

Возникает также вопрос о том, имеют ли Достоевский и Страхов в виду одно и то же, или речь у них, при всем сходстве словоупотребления, идет о несколько различных вещах. Очевидно, что Страхов имеет в виду плотские грехи и даже педофилию, о которой он прямо пишет:

Его тянуло **к пакостям**, и он хвалился ими. Висковатов стал мне рассказывать, как он похвалялся, что соблудил в бане с маленькой девочкой...³²

У Достоевского же речь идет скорее о любви к сплетням и способности к клевете:

За какую-нибудь жирную грубо-сладострастную **пакость** готов продать всех.

Эти слова наводят на предположение о том, что Страхов участвовал в распространении клеветнических слухов об автобиографичности главы «Бесов» «У Тихона», содержащую признание Ставрогина в соращении девочки, которые появились после отказа журнала «Русский вестник» напечатать эту главу. И о том, что Достоевский в какой-то момент узнал об этом³³.

Это предположение тем более вероятно, что, например, о распространении Страховым клеветнических слухов о Тургеневе Достоевскому было хорошо известно. Сообщая Достоевскому в письме от 4 мая 1871 года о нежелании Тургенева встречаться с ним после резкого отзыва Страхова о Тургеневе в печати, критик сам тут же повторял досужие домыслы о писателе:

Какая позорная трусость! Какое отсутствие всякой веры! Я слышал потом, что он ужасно подличал перед молодыми людьми, заискивал у молодого поколения³⁴.

И как впоследствии Толстому он будет писать о «выходках» Достоевского, «которые он делал **совершенно по-бабьи**», в этом письме к самому Достоевскому он приводит свой весьма сходный отзыв о Тургеневе, отказавшемся, по словам Я. П. Полонского, встречаться со Страховым:

Я хотел Вас позвать, и говорил Тургеневу, сказал, что Вы о нем пишете. Но он — представьте — слышать не хотел, уверял, что никто еще не оскорблял его так, как Вы,

³¹ Впрочем, Л. М. Розенблюм и ранее ощущала, что кое-что в черновом отзыве о Страхове в рабочей тетради Достоевского «напоминает слова Страхова о Достоевском в печально-памятном письме его к Толстому» (Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского. С. 43).

³² Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 2. С. 652.

³³ Предположение о том, что «Достоевскому удалось узнать <...>, что в разговорах о „грязи“ принимал участие и Страхов», уже высказывалось (см.: Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского. С. 44).

³⁴ Письма Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому. С. 273.

что Вы назвали его **з л о я з ы ч н о й б а б о й** и пр., что Вы говорили не о его таланте, а о нем, как о человеке. Наотрез отказался Вас видеть³⁵.

То, что Страхов был склонен к передаче сплетен и «скандальных „анекдотов“, нередко из весьма недостоверных источников», было известно Толстому и многим другим корреспондентам Страхова³⁶.

Впоследствии Страхов в чрезвычайно сходных выражениях отзывался в письме к В. В. Розанову о К. Н. Леонтьеве — как об «одном из **отвратительных** явлений», о человеке, у которого «самые высокие предметы вдруг подчиняются самым **низменным** стремлениям, **развратной** жажде наслаждения и услаждения себя»³⁷.

Ракитин и Страхов

А теперь давайте вспомним, в чем в первую очередь Ракитин обвиняет не только Дмитрия, но и все семейство Карамазовых — в сладострастии:

— Пусть он и честный человек, Митенька-то (он глуп, но честен); но он — **сладострастник**. Вот его определение и вся внутренняя суть. Это отец ему передал свое **подлое сладострастие**. Ведь я только на тебя, Алеша, дивлюсь: как это ты девственник? Ведь и ты Карамазов! Ведь в нашем семействе **сладострастие** до воспаления доведено. Ну вот эти три сладострастника друг за другом теперь и следят... с ножами за сапогом. Состукнулись трое лбами, а ты, пожалуй, четвертый.

— Ты про эту женщину ошибаешься. Дмитрий ее... презирает, — как-то вздрагивая, проговорил Алеша.

— Грушеньку-то? Нет, брат, не презирает. Уж когда невесту свою въявь на нее променял, то не презирает. Тут... тут, брат, нечто, чего ты теперь не поймешь. Тут влюбится человек в какую-нибудь красоту, в тело женское, или даже только в часть одну тела женского (это **сладострастник** может понять), **то и отдаст за нее собственных детей, продаст отца и мать, Россию и отечество**; будучи честен, пойдет и украдет; будучи кроток — зарежет, будучи верен — изменит. Певец женских ножек, Пушкин, ножки в стихах воспевал; другие не воспевают, а смотреть на ножки не могут без судорог. Но ведь не одни ножки... Тут, брат, презрение не помогает, хотя бы он и презирал Грушеньку. И презирает, да оторваться не может.

— Я это понимаю, — вдруг брякнул Алеша.

— Быдто? И впрямь, стало быть, ты это понимаешь, коли так с первого слова брякнул, что понимаешь, — с злорадством проговорил Ракитин. — Ты это нечаянно брякнул, это вырвалось. Тем драгоценнее признание: стало быть, тебе уж знакомая тема, об этом уж думал, о сладострастие-то. Ах ты, девственник! Ты, Алешка, тихоня, ты святой, я согласен, но ты тихоня, и черт знает о чем ты уж не думал, черт знает что тебе уж известно! Девственник, а уж такую глубину прошел, — я тебя давно наблюдаю. Ты сам Карамазов, ты Карамазов вполне — стало быть, значит же что-нибудь порода и подбор. **По отцу сладострастник**, по матери юродивый. Чего дрожишь? Аль правду говорю? Знаешь что: Грушенька просила меня: «Приведи ты его (тебя то есть), я с него рыску стащу». Да ведь как просила-то: приведи да приведи! Подумал только: чем ты это ей так любопытен? Знаешь, необычайная и она женщина тоже!

— Кланяйся, скажи, что не приду, — криво усмехнулся Алеша. — Договаривай, Михаил, о чем зачал, я тебе потом мою мысль скажу.

³⁵ Там же.

³⁶ Туниманов В. А. Достоевский, Страхов, Толстой. С. 251, 278.

³⁷ Розанов В. В. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев // Розанов В. В. Собр. соч. М.: Республика, 2001. 324–325.

Чего тут договаривать, все ясно. Все это, брат, старая музыка. Если уж **и ты сладострастника в себе заключаешь**, то что же брат твой Иван, единоутробный? Ведь и он Карамазов. В этом **весь ваш карамазовский вопрос заключается: сладострастники**, стяжатели и юродивые! (14, 74–75).

Обратим внимание на то, что слова Ракитина:

Тут влюбится человек в какую-нибудь красоту, в тело женское, или даже только в часть одну тела женского (это **сладострастник** может понять), **то и отдаст за нее собственных детей, продаст отца и мать, Россию и отечество** —

практически парафраза черновой записи Достоевского о Страхове:

...за какую-нибудь **жирную** грубо-сладострастную пакость **готовы продать всех и все**, и гражданский долг, которого не ощущает, и **родину**, до которой ему все равно, и идеал, которого у него не бывает...

Так что был ли Страхов знаком с черновой записью о себе в рабочей тетради Достоевского, не так уж важно. Ведь в трансформированном виде она была воспроизведена в «Братьях Карамазовых», а Страхову было ясно, что в образе Ракитина выведен в первую очередь он сам.

Текстуально отзыв Страхова о Достоевском в письме к Толстому на первый взгляд чуть ближе к черновой записи в рабочей тетради 1876 года, чем к приведенным словам Ракитина. Впрочем, в тексте романа есть фрагменты, которые содержат и другие мотивы этой черновой записи. Так, например, Дмитрий Карамазов видит Ракитина именно таким:

И такая у него скверная **сладострастная слюна** на губах...

Человек **с сладострастной слюной** на губах, а губы-то **жирные**, красные (15, 29, 321).

Немного позднее Ракитин на самом деле приведет Алешу к Грушеньке, которая, однако, откажется от своего бывшего намерения соблазнить его³⁸, но зато не скроет, что Ракитин привел его не просто так, а поскольку она обещала ему заплатить за это 25 рублей. Сам же он признается, что сделал это еще и в надежде «увидеть „позор праведного“ и вероятное „падение“ Алеши „из святых во грешники“» (14, 310).

Гипертрофированное самолюбие Страхова в характеристике, данной ему в рабочей тетради 1876–1877 годов, Достоевский отчасти объяснял его семинарским происхождением:

Главное в этом славолубии играют роль не столько литератора, сочинителя трех-четырёх скучненьких брошюр и целого ряда обвиняковых критик по поводу, напечатанных где-то и когда-то, но и два казенные места. Смешно, но истина. **Чистейшая семинарская черта. Происхождение никуда не спрячешь. Никакого гражданского чувства и долга**, никакого негодования к какой-нибудь гадости, а напротив, он и сам **делает гадости**; несмотря на свой строго нравственный вид, **втайне сладострастен**...> Я еще больше потом поговорю об этих литературных типах наших, их надо обличать и обнаруживать неустанно (24, 240).

³⁸ В черновых набросках было прямое указание на то, что и с самого начала дело обстояло не совсем так: «Грушенька: „А я-то тебя развратить хотела. Вот он (Ракитин) всё хотел, меня подговаривал“» (15, 261).

Что касается намерения «больше потом» поговорить «об этих литературных типах наших», то чуть ниже в той же рабочей тетради Достоевский сделал запись, озаглавленную им «Семинарист»:

Семинарист, сын попа, составляющего status in statu, а теперь уж и отщепенца от общества, а казалось бы, надо напротив. <...>Сын его, семинарист (светский), от попа оторвался, а к другим сословиям не пристал, несмотря на все желание. Он образован, но в своем университете (в Духовной академии). По образованию **проеден самолюбием и естественною ненавистью к другим сословиям**, которые хотел бы раздробить за то, что они не похожи на него. **В жизни гражданской он многого внутренне, жизненно не понимает, потому что в жизни этой ни он, ни гнездо его не участвовали, оттого и жизнь гражданскую вообще понимает криво, лишь умственно, а главное отвлеченно** (24, 241).

Как отметил Туниманов, «очерк о семинаристе, как типе, не будет осуществлен, но и бесследно не исчезнет: пригодится при создании образа Ракитина в „Братьях Карамазовых“»³⁹. Действительно, этот персонаж детерминирован его социальным происхождением. Например, писатель наделил Ракитина отмеченной в его рабочей тетради «естественною ненавистью к другим сословиям»:

Завидя теперь входящего Алешу, он (Ракитин. — С. К.) особенно нахмурил брови и отвел глаза в сторону, как бы весь занятый застегиванием своего большого теплого с меховым воротником пальто. Потом тотчас же принялся искать свой зонтик.

— Своего бы не забыть чего, — пробормотал он, единственно чтобы что-нибудь сказать.

— **Ты чужого-то чего не забудь!** — сострил Митя и тотчас же сам расхохотался своей остроте. Ракитин мигом вспылел.

— **Ты это своим Карамазовым рекомендуй, крепостничье ваше отродье,** а не Ракитину! — крикнул он вдруг, так и затрясшись от злости (15, 27).

Остается только удивляться, как исследователи не заметили в Ракитине многих других черт Страхова. Впрочем, обыкновенно это происходит оттого, что в криптографическом памфлете воплощается не реальная личность, а ее восприятие писателем в период его создания; между тем исследователи не всегда имеют полное представление об этом восприятии.

Образ Ракитина — это именно жесточайший и в то же время достаточно прозрачный для хорошо знавших Страхова людей (а в особенности для самого Страхова) памфлет против него. Вдобавок при более детальном сравнении героя с его прототипом мы увидим, что в образе Ракитина к отличительным чертам и деталям биографии Страхова примешиваются особенности личности некоторых других литераторов.

Разбираемая нами выше глава романа озаглавлена «**Семинарист-карьерист**» (14, 71), и в ней Иван Карамазов напроорочил Ракитину такое будущее:

Изволил выразить мысль, что если я-де не соглашусь на карьеру архимандрита в весьма недалеком будущем и не решусь постричься, то непременно уеду в Петербург и примкну к толстому журналу, непременно **к отделению критики**, буду писать лет десяток и в конце концов **переведу журнал на себя**. Затем буду опять его издавать и непременно в либеральном и атеистическом направлении, с социалистическим оттенком, с маленьким даже лоском социализма, но держа ухо востро, то есть,

³⁹ Туниманов В. А. Достоевский, Страхов, Толстой. С. 273.

в сущности, **держа нашим и вашим** и отводя глаза дуракам. Конец карьеры моей, по толкованию твоего братца, в том, что оттенок социализма не мешает мне откладывать на текущий счет подписные денежки и пускать их при случае в оборот, под руководством какого-нибудь жидишки, до тех пор, пока не **выстрою капитальный дом в Петербурге, с тем чтобы перевезть в него и редакцию, а в остальные этажи напугать жильцов...** (14, 77).

Некоторые конкретные детали из этого пророчества в применении к Страхову пробуксовывают. Зато они нарочито отсылают — по всей видимости, для того, чтобы хоть сколько-нибудь затушевать памфлетный характер этого образа — к другим литераторам⁴⁰.

Однако все остальные детали, вплоть до объяснения личности «семинарским» происхождением (к каковому объяснению был склонен и сам Страхов)⁴¹, полностью соответствуют его биографии и облику. Так, например, следующая деталь в самопрезентации Ракитина:

Если я-де не соглашусь на карьеру архимандрита в весьма недалеком будущем и не решусь постричься... —

соотносится с тем, что Страхов и в самом деле раздумывал о духовной карьере, но так и не решился постричься в монахи. Его родной дядя и воспитатель, заменивший ему отца, ректор Костромской семинарии архимандрит Нафанаил всячески этого добивался, не только когда Страхов учился в Духовной семинарии в Костроме, но и позднее, в Петербурге, где в бытность племянника студентом стал архиереем⁴².

В параллель к характеристике Ракитина: «**держа нашим и вашим** и отводя глаза дуракам» — приведем следующие отзывы о Страхове.

Пантеист ли он, деист ли, исповедует ли он положительную религию, материалист ли он, идеалист ли он, либерал ли он, консерватор ли он, — недоумевал в рецензии на

⁴⁰ Отмечалось полемическое переосмысление Достоевским в биографии Ракитина ряда деталей биографии Г. З. Елисеева и Г. Е. Благовестлова — между прочим, тоже семинаристов (19, 306—311; 15, 539, 597), М. В. Родевича (Достоевский Ф. М. Письма. Т. I. М.: Л.: Государственное издательство, 1928. С. 574—575), А. А. Краевского (15, 539). В корреспонденциях Ракитина замечены элементы пародии на «сенсационные известия и обличительные штампы в корреспонденциях газет и журналов либерального направления 1860—1870-х годов» (15, 587; см. об этом: Дороватовская-Любимова В. С. Достоевский и шестидесятники («Искра», «Современник», Чернышевский) // Достоевский. М.: ГАХН, 1928. С. 33—34), а его стихи «вызваны пародией Д. Д. Минаева на стихотворение Пушкина» (15, 589).

⁴¹ В письме Толстому от 25 мая 1881 года, коротко пересказывая историю многолетней борьбы с нигилизмом, Страхов критически упоминает «семинарский дух»: «Петербургский люд с его складом ума и сердца и семинарский дух, подаривший нам Чернышевского, Антоновича, Добролюбова, Благовестлова, Елисеева и пр. — главных проповедников нигилизма, — все это я близко знаю, видел их развитие, следил за литературным движением, сам пускался на эту арену и пр. Тридцать шесть лет я ищу в этих людях, в этом обществе, в этом движении мыслей и литературы — ищу настоящей мысли, настоящего чувства, настоящего дела — и не нахожу, и мое отвращение все усиливается, и меня берет скорбь и ужас, когда вижу, что в эти тридцать шесть лет только это растет...» (Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 2. С. 606). См. также опубликованную в «Эпохе» (1864, июнь) статью Страхова «Что такое семинаристы?» (Страхов Н. Н. Из истории литературного нигилизма. 1861—1865. Письма Н. Косицы. — Заметки Летописца и пр. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1890. С. 432—433).

⁴² Фатеев В. В. Религиозные воззрения Н. Н. Страхова // Н. Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания. СПб.: Алетейя, 2010. С. 100.

одну из книг Страхова В. Модестов, — одним словом, **кто г. Страхов в области философии и политики**, для меня оставалось и до сих пор **остается непонятным**⁴³.

«Мыслителем тонким, вдумчивым, но **в высшей степени осторожным в раскрытии своих глубочайших убеждений**» называл Страхова Ф. К. Андреев⁴⁴.

По словам В. В. Розанова, Страхов «повсюду цитирует других, **говорит свою мысль чужими словами...**»⁴⁵

«— **О себе** самом Страхов **никогда не говорил**, — вспоминал о нем Б. В. Никольский, — даже местоимение „я“ проскальзывало у него в разговоре, как и в сочинениях, только в виде исключения»⁴⁶.

По характеристике современного исследователя, «зыбкость, **расплывчатость взглядов Страхова** в этих его высказываниях, **закрытость, неуловимость его личности** действительно поразительны»⁴⁷. Да и сам Страхов сознавал: «Конечно, главный мой недостаток — отсутствие самостоятельности...»⁴⁸

Многие из пороков, которыми Достоевский наделил Ракитина, Страхов впоследствии приписал самому писателю. Так, например, он утверждал, что Достоевский был «зол, **завистлив**». Между тем Достоевский в «Братьях Карамазовых» не только прямо называет Ракитина завистником, но и изображает его сплетником, всюду имеющим своих информантов и не гнушающимся мелкими прегрешениями против совести:

Все это пронюхал Ракитин, не утерпев и нарочно заглянув на игуменскую кухню, **с которою тоже имел свои связи. Он везде имел связи и везде добывал языка. Сердце он имел весьма беспокойное и завистливое.** <...>Алешу, который был к нему очень привязан, мучило то, что его друг Ракитин бесчестен и решительно не сознает того сам, напротив, зная про себя, что он не украдет денег со стола, окончательно считал себя человеком высшей честности. <...>О последнем обстоятельстве Алеша узнал, и уж конечно совсем случайно, от своего друга Ракитина, **которому решительно все в их городишке было известно...** (14, 79, 93).

Характер отношений Алеши и Ракитина весьма смахивает на позднейшее восприятие Достоевским его собственных отношений со Страховым.

Дмитрий Карамазов в романе пророчествует:

Не пьянствую я, а лишь «лакомствую», как говорит твой свинья Ракитин, который **будет статским советником** и все будет говорить «лакомствую» (14, 96).

Ко времени работы над «Братьями Карамазовыми» Страхов **был статским советником** (а к концу жизни дослужился и до действительного статского)⁴⁹.

⁴³ Модестов В. <Рец.:> Борьба с Западом // Новости и Биржевая газета. 1887. 20 окт. С. 2.

⁴⁴ Андреев Ф. К. О сочинении студента Матвеевича Виктора на тему: Религиозно-философские взгляды Н. Н. Страхова // Богословский вестник. 1916. Июнь. Разд. «Журналы собраний». С. 1—12.

⁴⁵ Розанов В. В. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. С. 70. И. Л. Волгин отметил, что между Ракитиным и Страховым «есть момент тайного родства. Это — небескорыстие. И для Страхова и для Ракитина идеология — лишь средство...» (Волгин И. Л. Последний год Достоевского. 4-е изд. М.: АСТ, Зебра Е, 2010. С. 232).

⁴⁶ Никольский Б. В. Николай Николаевич Страхов. Критико-биографический очерк. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1896. С. 6.

⁴⁷ Фатеев В. В. Религиозные воззрения Н. Н. Страхова. С. 87.

⁴⁸ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1. С. 432.

⁴⁹ Весь Петербург на 1896 год, адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1896. С. 301.

Когда старец Зосима умирает, Ракитин немедленно занимает место в ските не просто для наблюдения, а еще и вдобавок

по особливому поручению госпожи Хохлаковой, которая считала его за самого благочестивого и верующего молодого человека — до того он **умел со всеми обойтись и каждому представиться сообразно с желанием того, если только усматривал в сем малейшую для себя выгоду** (14, 296).

Из второго тома романа мы узнаем, что Ракитин долгое время посещал госпожу Хохлакову, рассчитывая на ней жениться и взять за ней полтора ста тысяч приданого, но когда она предпочла ему чиновника Перхотина, ославил ее в статье, напечатанной в петербургской газете «**Слухи**». При этом он изобразил дело таким образом, как будто бы она давала три тысячи рублей Дмитрию перед убийством, но тот пренебрег ее «сорокалетними прелестями» (15, 15).

Когда Алеша рассказывает Дмитрию, как Ракитин отомстил госпоже Хохлаковой, выясняется, что тот успел ославить и других:

— Это он, он! — подтвердил Митя нахмурившись, — это он! **Эти корреспонденции... я ведь знаю... то есть сколько низостей было уже написано**, про Грушу, например!.. И про ту тоже, про Катю... (15, 30).

Аналогичным образом сам Достоевский мог припомнить, как Страхов оклеветал не только его самого, но и Тургенева, и, по-видимому, не только их двоих.

Таким образом, почти все, в чем Ракитин обвинял Карамазовых: «сластолюбивые, стяжатели», оказывается в реальности верно по отношению к нему самому. Возможно, зная за Страховым склонность к приписыванию другим своих собственных пороков, Достоевский как будто предвидел, что впоследствии он поступит так по отношению к нему самому.

Ракитин и Клод Бернар

Когда Дмитрий Карамазов попадает в острог, Ракитин начинает усиленно посещать его. Отвечая на вопрос Алеши о его отношениях с ним, Дмитрий говорит:

— С Михаилом-то подружился? Нет, не то чтоб. Да и чего, свинья! Считает, что я... подлец. Шутки тоже не понимают — вот что в них главное. Никогда не поймут шутки. Да и **сухо у них в душе, плоско и сухо, точно как я тогда к острогу подъезжал и на острожные стены смотрел**. Но умный человек, умный (15, 27).

В это время, не без влияния Ракитина, Дмитрия начинают беспокоить какие-то новые идеи. Что это за идеи, вскоре выясняется в разговоре Дмитрия с Алешей:

— Какой там был Карл Бернар?
— Карл Бернар? — удивился опять Алеша.
— Нет, не Карл, постой, соврал: Клод Бернар. Это что такое? Химия, что ли?
— Это, должно быть, ученый один, — ответил Алеша, — только, признаюсь тебе, и о нем много не сумею сказать. Слышал только, ученый, а какой, не знаю.
— Ну и черт его дерь, да и я не знаю, — обругался Митя. — Подлец какой-нибудь, всего вероятнее, да и все подлецы. А Ракитин пролезет, Ракитин в щелку пролезет, тоже Бернар. Ух, Бернары! Много их расплодилось!
— Да что с тобою? — настойчиво спросил Алеша.

Хочет он обо мне, об моем деле статью написать, и тем в литературе свою роль начать, с тем и ходит, сам объяснял. С направлением что-то хочет: «дескать, **нельзя было ему не убить, заеден средой**», и проч., объяснял мне. **С оттенком социализма**, говорит, будет. Ну и черт его дери, с оттенком так с оттенком, мне все равно. Брата Ивана не любит, ненавидит, тебя тоже не жалуется. Ну, а я его не гоню, потому что человек умный. Возносится очень, однако. Я ему сейчас вот говорил: «Карамазовы не подлецы, а философы, потому что все настоящие русские люди философы, а ты хоть и учился, а не философ, ты смерд» (15, 28).

Как известно, Клод Бернар был сторонником позитивизма. В романе Чернышевского «Что делать?» сказано, что он «отзывался с уважением о работах Кирсанова, когда Кирсанов еще только оканчивал курс»⁵⁰. В 1866 году в России в переводе Страхова вышла книга Бернара «Введение в изучение экспериментальной медицины». В предисловии к этой книге Страхов писал:

Явления находятся между собой в причинной связи. Клод Бернар употребляет для этой связи новый термин; именно, по его выражению, каждое явление имеет свой **детерминизм**, т. е. необходимо определяется своими условиями. Обыкновенно это выражают так: при известных условиях необходимо совершается известное явление. Этот принцип Клод Бернар называет абсолютным, признаваемым нашим умом *argi-ori*, независимо от всякого опыта⁵¹.

Принцип «детерминизма» отчасти соответствует **учению о «среде»**, которое Бернар развивал и в других своих сочинениях. Как показал Б. Г. Реизов, это учение не только прямо опровергалось в романе, но и вызывало у Достоевского неприятие связанного с ним французского натурализма:

Дмитрий Карамазов остро ощущает в себе чувство нравственной ответственности и свободы, о котором писал Достоевский в 70-е годы. Он уже начал свое искупление, и Ракитин, а вслед за ним прокурор и защитник, **объясняющие социальными, словесными и наследственными причинами его поведение и нравственную природу**, вызывают у него негодование. Он обнаруживает в их рассуждениях ход мысли, характерный для Клода Бернара и еще более открытый и очевидный у Золя. Против **детерминизма** Митя восстает всеми силами своей «свободной» души⁵².

Впрочем, с подачи Ракитина Дмитрий Карамазов усваивает позитивистское представление о том, что восприятие человека **детерминировано** чисто физиологическими особенностями его организма:

Вообрази себе: это там в нервах, в голове, то есть там в мозгу эти нервы (ну черт их возьми!) ... есть такие этакие хвостики, у нервов этих хвостики, ну, и как только они там задрожат... то есть видишь, **я посмотрю на что-нибудь глазами, вот так, и они задрожат, хвостики-то... а как задрожат, то и является образ**, и не сейчас является, а там какое-то мгновение, секунда такая пройдет, и является такой будто бы момент, то есть не момент, — черт его дери момент, — а образ, то есть предмет

⁵⁰ Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Роман // Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. XI. М.: Гослитиздат, 1939. С. 146.

⁵¹ Клод Бернар. Введение в изучение опытной медицины. Пер. Н. Страхова. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1866. С. I—III.

⁵² Реизов Б. Г. Из истории европейских литератур. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1970. С. 154.

али происшествие, ну там черт дери — вот почему я и созерцаю, а потом мыслю... потому что хвостики, а вовсе не потому, что у меня душа и что я там какой-то образ и подобие, все это глупости. <...> Великолепна, Алеша, эта наука! Новый человек пойдет, это-то я понимаю... (15, 28).

О природе зрения, которая связана с тем, что «на задней стороне глаз, на сетчатой оболочке, образуется при этом **уменьшенное изображение видимых предметов**», Страхов рассуждал, в частности, в статье «Главная черта мышления»⁵³.

Еще в статье, вошедшей в переведенный на русский язык сборник статей «Общий вывод положительного метода», который в «Преступлении и наказании» упоминает Лебезятников (6, 307), Клод Бернар доказывал, что живые существа также подчиняются действию принципа детерминизма:

Многие медики и натуралисты, пользуясь этими различными аргументами, доказывали невозможность применения опытного метода к изучению живых существ. <...> Я постараюсь доказать, что все явление как в живых, так и в неодушевленных телах подвержены безусловному и неизбежному **детерминизму**. Наука о жизни может иметь только те же методы и основания, какие существуют и в науке о неодушевленных телах, и нет надобности делать какое бы то ни было различие между принципом наук физиологических и наук физико-химических⁵⁴.

Дмитрий Карамазов все же хорошо сознает уязвимость этой теории:

А не любит бога Ракитин, ух не любит! Это у них самое больное место у всех! Но скрывают. Лгут. Представляются. «Что же, будешь это проводить в отделении критики?» — спрашиваю. «Ну, явно-то не дадут», — говорит, смеется. «Только **как же**, спрашиваю, после того **человек-то? Без бога-то и без будущей жизни?** Ведь это, стало быть, **теперь все позволено**, все можно делать?» «А ты и не знал?» — говорит. Смеется. «Умному, говорит, человеку все можно, умный человек умеет раков ловить, ну а вот ты, говорит, и убил и влопался и в тюрьме гниешь!» (15, 28, 29).

Как уже отмечалось выше, взгляды самого Страхова на самом деле далеко не столь однозначны. В данном случае Достоевский отчасти стилизует своего героя также не столько под Страхова, сколько под критиков социалистической ориентации, опять-таки воспринятых в пародийно-памфлетном ключе. Впрочем, отдельные моменты подобного мировосприятия были присущи и Страхову. Так, издатель «Санкт-Петербургских ведомостей» Э. Э. Ухтомский, не раз бывавший у Страхова, находил его не только религиозным скептиком, но даже и «вольтерьянцем»⁵⁵.

Писатель наделяет Ракитина наклонностью Раскольникова оправдывать злодеяние возможностью «гражданскую пользу потом принести»:

Вот он как ходил-то ко мне, тогда и сочинил эти стишонки. «В первый раз, говорит, руки мараю, стихи пишу, для обольщения значит, для полезного дела. **Забрав капитал у дурищи, гражданскую пользу потом принести могу. У них ведь всякой мерзости гражданское оправдание есть!** (15, 29).

⁵³ Страхов Н. Н. Главная черта мышления // В кн.: Н. Н. Страхов в диалогах с современниками. СПб.: Алетейя, 2010. С. 193.

⁵⁴ Бернар К. Прогресс в физиологических науках // Р. Вирхов, Клод-Бернар, Молешотт, Пидерит, Вагнер. Общий вывод положительного метода. Пер. под ред. Н. Неклюдова. СПб.: Изд. Н. Неклюдова, 1866. С. 30—31.

⁵⁵ Лукьянов С. М. Запись бесед с Э. Э. Ухтомским // Российский архив. М., 1992. Вып. II—III. С. 398.

Другая его черта — фейербаховское убеждение в том, что идея Бога создана самим человечеством на ранних стадиях его развития и что в современном мире место Бога должно заступить человечество:

Человечество само в себе силу найдет, чтобы жить для добродетели, даже и не веря в бессмертие души! В любви к свободе, к равенству, братству найдет...» (14, 76); «А меня бог мучит. Одно только это и мучит. А что, как его нет? Что, если **прав Ракитин, что это идея искусственная в человечестве? Тогда, если его нет, то человек шеф земли, мироздания. Великолепно! Только как он будет добродетелен без бога-то? Вопрос! Я все про это. Ибо кого же он будет тогда любить, человек-то? Кому благодарен-то будет, кому гимн-то воспоет? Ракитин смеется. Ракитин говорит, что можно любить человечество и без бога.** Ну это сморчок сопливый может только так утверждать, а я понять не могу (15, 32).

В своих произведениях Достоевский не раз — в том числе и в «Братьях Карамазовых» (устами старца Зосимы) — показал, что любовь к дальнему чревата нелюбовью к ближнему. Как формулировал он эту мысль в статье «Голословные утверждения»,

те же, которые, отняв у человека веру в его бессмертие, хотят заменить эту веру, в смысле высшей цели жизни, «любовью к человечеству», те, говорю я, поднимают руки на самих же себя; ибо **вместо любви к человечеству** насаждают в сердце потерявшего веру лишь **зародыш ненависти к человечеству** (24, 49).

Именно эта диалектика постепенно выявляется в романе и применительно к Ракитину⁵⁶:

— Да **за что мне любить-то вас?** — не скрывая уже злобы, огрызнулся Ракитин. Двадцатипятирублевую кредитку он сунул в карман, и пред Алешей ему было решительно стыдно. Он рассчитывал получить плату после, так чтобы тот и не узнал, а теперь **от стыда озлился**. <...>

— Любят за что-нибудь, а вы что мне сделали оба?

— А ты ни за что люби, вот как Алеша любит (14, 319—320).

То, что декларируемая любовь к человечеству без идеи Бога легко может стать всего лишь прикрытием для откровенного эгоизма, интуитивно чувствует Дмитрий Карамазов:

Легко жить Ракитину: «Ты, — говорит он мне сегодня, — о расширении гражданских прав человека хлопочи лучше али хоть о том, чтобы цена на говядину не возвысилась; этим проще и ближе **человечеству любовь** окажешь, чем философиями». Я ему на это и отмочил: «А ты, говорю, **без бога-то, сам еще на говядину цену набьешь**, козь под руку попадет, и наколотишь рубль на копейку». Рассердился (15, 32).

Само противостояние в романе Алеши Ракитину, очевидно, восходит к флорентийскому расхождению между Достоевским и Страховым по вопросу о природе человека. Недаром к убежденности Страхова в том, что **человек «гнусен до последней степени»**, которое тот сформулировал в обращенной к Достоевскому статье «Наблюдения»⁵⁷, исследователи небезосновательно возводят и страховское письмо к Толстому⁵⁸.

⁵⁶ Кибальник С. А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб.: ИД «Петрополис», 2013. С. 377—380.

⁵⁷ Н. Н. Страхов о Достоевском. С. 562.

⁵⁸ Кошечко А. Н. Достоевский и Страхов: опыт экзистенциальной коммуникации // Современные проблемы науки и образования: Электрон. науч. журн. 2014. № 4. С. 1—9. URL: <http://www.science-education.ru/118-14365> (дата обращения: 20.08.2014).

В вариантах к роману Ракитин делает космополитические декларации, напоминающие страховские ремарки 1870-х годов:

Русский народ **недобр, потому что не цивилизован** (15, 256)⁵⁹.

Как известно, «судя по черновым наброскам, автор предполагал сделать Ракитина побратимом Алеши и придать их спорам более резко выраженный идеологический характер». Причем Ракитин в них, ссылаясь на Бокля, отстаивал бы идеи уничтожения религии, а если, как говорит Алеша, «народ не позволит», то «истребить народ, сократить его, молчать его заставить. Потому что **европейское просвещение выше народа**».

«Аргументы Ракитина — апелляция к Боклю, призыв „истребить народ“, — отметила Е. И. Кийко, — уже вызвали в свое время возражения Достоевского в публицистических статьях 1860-х годов, „Записках из подполья“ (1864), „Крокодиле“ (1865)» (15, 430).

Так что, создавая образ Ракитина, Достоевский первоначально намеревался, по-видимому, вернуться к своим старым спорам, в том числе и со Страховым.

Разгадка этой клеветы облегчается тем, что в своем навете на Достоевского клеветник оставил явные словесные следы собственной обиды на него. Изобретательности Страхову хватило только на то, чтобы стрелки, направленные на него Достоевским, перевести на самого писателя. Теми же словами, которыми Достоевский клеймил Страхова как сплетника, испытывающего сладострастие от возведения плотских грехов на других, Страхов попытался обличить мнимое плотское сладострастие (вплоть до педофилии) самого Достоевского. При этом он тут же простодушно упомянул факт, по-видимому послуживший основным поводом к возникновению этой клеветы: чтение Достоевским в писательских компаниях отвергнутой «Русским вестником» главы «У Тихона».

Однако правда Достоевского еще при жизни Страхова взяла верх. Уже на следующий год после попытки своей клеветы на Достоевского Страхов сам писал о себе собственными словами автора «Братьев Карамазовых»:

Покаюсь Вам, бесценный Лев Николаевич, я **поддавался новым гадостям**, которые открылись у меня в душе...⁶⁰

Последние годы жизни, как показывает его переписка, он страдал от своего рода распада личности.

Достоевский же еще в «Дневнике писателя» за апрель—июнь 1876 года — возможно, не без влияния слухов, распространяемых о нем его мнимыми друзьями — то и дело размышлял о «знамени чести» литератора⁶¹.

И, по-видимому, собираясь продолжить этот разговор, записал в рабочей тетради 1876—1877 годов, в которой ниже появится его отзыв о Страхове:

⁵⁹ Впрочем, и в основном тексте романа Ракитин подбивает Колю Красоткина бежать в Америку, но Коля полагает, что «бежать в Америку из отечества — низость, хуже низости — глупость» (15, 501).

⁶⁰ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 2. С. 665. Страхов не раз использовал в письмах к Толстому эту, возможно, произвольно заимствованную им у Достоевского («**делает гадости**» — 24, 240) характеристику: «...на меня все еще иногда нападает страх, что Вы меня, **гадкого**, как-нибудь разлюбите», «Но истинно противны другие минуты, когда я вижу тяжелое оскорбление в самом невинном слове и звуке и когда сам навожу на себя чувства **гадкие...**», «вы пожалели обо мне, когда я попробовал открыть Вам **гадости**, которые у меня на душе» (Там же. Т. 1. С. 467; Т. 2, С. 542, 548).

⁶¹ Аналогичным образом Достоевский в этой тетради опровергает голословное обвинение В. Г. Авсеенко в том, что будто бы «„Русский вестник“ поправлял» его «грязь» (см.: 17, 45).

О том, что **литературе** (в [нашем веке] **наше время**) **надо высоко держать знамя чести**. Представьте себе, что бы было, если б Лев Толстой, Гончаров оказались бы бесчестными? Какой соблазн, какой цинизм и как многие бы соблазнились. Скажут: «если уж эти, то...» и т. д.⁶²

Разгадка последнего яснополянского сна Льва Толстого

Ко времени своего ухода из Ясной Поляны Толстой совершенно забыл о письме к нему Страхова о Достоевском. Это ясно из следующего факта. В феврале 1907 года Софья Андреевна рассказывала в Ясной Поляне о своей работе в Историческом музее, в котором к тому времени уже находились письма Страхова к Толстому:

Читала письмо Страхова к Л. Н. о Достоевском, биографию которого Страхов писал; пишет, что он был тщеславный, злой, развратный; как об этом писать? Решил умолчать, пусть зло погибнет.

Толстой откликнулся на это с энтузиазмом, похвалив Страхова:

Вполне, вполне, вполне! Это на него похоже — и прекрасно⁶³.

Однако в июле 1908 года Д. П. Маковицкий рассказал в Ясной Поляне про фельетон В. Ф. Боцяновского «Сплетня о Достоевском» (газета «Русь», 1908, № 159, 11 июня), в котором опровергалось, что

Достоевский будто бы был безнравственной жизни, как недавно вспоминала Софья Андреевна, опираясь на письмо Н. Н. Страхова.

На этот раз Толстой был огорчен и осудил письмо Страхова:

Л. Н. не знал, что такие вещи говорились о Достоевском:
— Нехорошо было со стороны Страхова⁶⁴.

Так что можно с уверенностью сказать, что ко времени своего «сна» отзыв Страхова о Достоевском в письме к нему самому Толстой вспомнил.

Читая роман «Братья Карамазовы», Толстой мог — так же как, судя по всему, сделал Страхов — узнать его в Ракитине. Это приоткрыло бы перед ним тайные мотивы негативного отзыва Страхова о Достоевском. Ему стало бы ясно, что, давая этот отзыв, Страхов, как ранее и предполагали исследователи, лишь болезненно реагировал на этот образ в «Братьях Карамазовых». Ведь и обвинял-то он Достоевского почти теми же словами, которыми Достоевский заклеил Страхова на страницах романа.

Толстой мог узнать в Ракитине Страхова еще по одной причине. Криптографическая поэтика Достоевского была хорошо знакома Толстому по другим ее образцам — прежде всего по тем, которые были адресованы Достоевским самому Толстому. Скры-

⁶² Литературное наследство. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860—1881 гг. Т. 83. М.: Наука, 1971. С. 544—545.

⁶³ У Толстого. 1904—1910: «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Кн. 2: 1906—1907 // Литературное наследство. 1979. Т. 90. Кн. 2. С. 385.

⁶⁴ У Толстого. 1904—1910: «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Кн. 3: [1908—1909] // Литературное наследство. 1979. Кн. 3. С. 133.

тый интертекстуальный диалог Достоевский и Толстой, эти два хорошо знакомых незнакомца, вели на протяжении всей их жизни. После смерти Достоевского Толстой довершал его в одиночку.

Напомню, что Достоевский назвал князя Мышкина «Львом Николаевичем» и сопровождал его образ рядом интертекстуальных отсылок к рассказу Толстого «Люцерн» (8, 50; 9, 432) и, возможно, к «Войне и миру». Толстой же фактически переписал сюжетную линию Мышкина, Тоцкого и Настасьи Филипповны в своем последнем романе «Воскресение»⁶⁵.

Однако в первую очередь страховский подтекст образа Ракитина не мог не навести Толстого на новые размышления о личности и судьбе Страхова, который именно в письмах к нему исповедовался на протяжении всей своей жизни, причем особенно откровенно в последние полтора десятилетия его жизни, то есть приблизительно вскоре после своего печально знаменитого письма Толстому о Достоевском. При этом драма личности Страхова, как он сам не раз формулировал ее в письмах к Толстому, была драмой бегства от жизни, отказа от личной жизни и семьи⁶⁶.

Приведу несколько коротких фрагментов из писем Страхова Толстому 1880–1890-х годов:

Я никогда не жил как следует. В эпоху наибольшего развития сил (1857–1867) я не то что жил, а поддался жизни, подчинился искушениям; но я так измучился, что потом навсегда отказался от жизни. Что же я *делал*, собственно, и тогда, и потом, и что делаю теперь? То, что делают люди отжившие, старики. Я *берегся*, я старался ничего не искать, а только избежать тех зол, которые со всех сторон окружают человека. <...> У меня нет ни семьи, ни имущества, ни положения, ни кружка — ничего нет, никаких связей, которые бы соединяли меня с жизнью,

Я вовсе не живу...,

Я человек безжизненный, в котором мало души, нет воли в смысле живых стремлений. Я во всех сферах неудавшийся, ни в чем не сформировавшийся, ни в какую форму не отливший человек, потому что во мне не было настолько формирующей силы, притяжения к жизни,

С 1868 года я не знаю женщин и перестал пьянствовать, следовательно, для меня началась не жизнь, а житие, как выражался Писемский. Я пришел тогда в страшное состояние, боялся сойти с ума, и потому бросил все свое распутство и решил оттерпеться, чтобы спасти свой ум⁶⁷.

Неудивительно, что 26 января 1896 года, когда Толстой узнал о смерти Страхова, он записал в дневнике:

Я жив, но не живу. Страхов. Нынче узнал об его смерти (LYIII, 77).

Судьба Страхова в конце концов отпечатавалась в сознании Толстого как драма добровольного отказа от жизни.

⁶⁵ См. об этом, например: Перлина Н. Лев Николаевич Нехлюдов — Мышкин, или Когда придет Воскресение // Достоевский и мировая культура. Альманах № 6. СПб.: Акрополь, 1996. С. 118–124.

⁶⁶ Не исключено даже, что сама по себе метафора «живой труп», использованная в заглавии его известной пьесы, была подсказана Толстому в том числе и драмой жизни Страхова. Оговорюсь, что сам Страхов говорил о себе как о живом трупе в другом смысле и совсем не был похож на Федю Протасова.

⁶⁷ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 2. С. 432–433, 441, 910–911.

В одном из своих писем Толстому Страхов писал:

Спрашивается. Чем же я живу? Чего от себя добиваюсь и в чем полагаю то хорошее, без стремления к которому мне было бы стыдно жить? Мне представляется, можно написать любопытный этюд, только очень грустный⁶⁸.

Так, может быть, «чудный сюжет», который приснился Толстому 26 октября 1910 года, это и есть тот «любопытный этюд», который Толстой долгое время побуждал сделать из собственной жизни самого Страхова, но который так его и не написал, и о том, чтобы написать его, пришлось задуматься самому Толстому?

Каким же образом в таком случае Страхов мог оказаться в ситуации любовного романа с Грушенькой? Очевидно, что если иметь в виду реального Страхова, то это могла бы быть история старого философа, потерявшего голову от любви к молодой женщине — «инфернальнице», как называл таких женщин сам Достоевский.

Этакий «Голубой ангел» (1930) — только не в кино, а в литературе. Своего рода «Игрок» Достоевского (я имею в виду сюжетную линию «генерал — M-lle Blanche»), переложенный на сугубо русские и сугубо интеллигентские рельсы.

Если же иметь в виду романский образ Страхова в «Братьях Карамазовых», то для того, чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, в каких отношениях Ракитин находится с Грушенькой в романе Достоевского. Он ее двоюродный брат. Однако сам Ракитин возмущенно заявляет Алеше в романе, что у него не может быть с ней ничего общего:

— Родственница? Это Грушенька-то мне родственница? — вскричал вдруг Ракитин, весь покраснев. — Да ты с ума спятил, что ли? Мозги не в порядке. — А что? Разве не родственница? Я так слышал... Где ты мог это слышать? <...> Я Грушеньке не могу быть родней, публичной девке, прошу понять-с! (14, 77).

То, что Грушенька тем не менее и в самом деле двоюродная сестра Ракитина, всплывает, однако, только на суде над Дмитрием Карамазовым — то есть уже во втором томе романа, который Толстой, если верить его собственному свидетельству, не читал⁶⁹. Впрочем, в вопросе о том, что они читали, писатели, как известно, не всегда искренни и не обязаны быть таковыми.

Тем не менее, говоря о романе Страхова с Грушенькой, Толстой мог отталкиваться от возможности любовной связи с ней Ракитина в романе Достоевского. Правда, подобная связь оказывалась бы довольно неожиданной и опровергала бы собственные слова Ракитина. Ср. ремарку Алеши Карамазова, обращенную к Ракитину:

— Ты к ней часто ходишь и сам мне говорил, что ты с нею связей любви не имеешь... (14, 78).

Ракитин, впрочем, не свободен от вожделения к Грушеньке, но его в первую очередь влекут к ней материальные интересы: он разживается у нее деньгами.

Сюжет в этом случае принимал бы несколько заурядный характер. И тем не менее подобная интерпретация сна Толстого представляется вполне вероятной.

Получалось бы, что Толстой как бы собирался писать вариацию на сюжет «Братьев Карамазовых». Что после «Воскресения» представляется не таким уж невозможным. Ведь звучат же, хотя «отдаленно и приглушенно», мотивы романа «Братья Карамазовы», например, в драме Толстого «Живой труп»⁷⁰.

⁶⁸ Там же. Т. 1. С. 473.

⁶⁹ См.: Булгаков В. Л. Толстой в последний год жизни: Дневник секретаря Толстого. М., 1960. С. 392.

⁷⁰ См.: Туниманов В. А. Достоевский, Страхов, Толстой. С. 312.

Разумеется, даже после того, как нам удалось выяснить, что образ Ракитина был скрытым памфлетом против Страхова, и даже если хотя бы одно из высказанных нами выше предположений верно, мы все равно не можем сказать, как развивался бы далее художественный замысел Толстого, если бы писателю хватило жизни на его воплощение и он бы на это воплощение сподобился. Скорее всего, Толстой и сам еще не знал этого, когда записал свой сон, и сюжет полностью сложился бы только в процессе реализации замысла.

Тем не менее высказанные предположения все-таки позволяют сделать шаг вперед в разгадке последнего яснополянского сна Толстого и связанного с ним замысла его нового — и, очевидно, последнего — художественного творения.

Итак, размышления Толстого о романе «Братья Карамазовы» и порожденный ими сюжет о Грушеньке и Страхове, возможно, связаны не только с творчеством Толстого⁷¹, но и с его многолетним диалогом со Страховым (прямым и открытым) и с Достоевским (заочным и скрытым), а также с судьбой самого Толстого и даже с финальной точкой в этой судьбе — его уходом незадолго до смерти из Ясной Поляны.

⁷¹ См.: Там же. С. 306–316.